

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. ЗАЛИЗНЯК

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»:
ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА

Издание третье, дополненное

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Москва
2008

Зализняк А. А.

3 55 «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. — 3-е изд., доп. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. — 480 с. — (Studia philologica. Series minor).

ISBN 978-5-9551-0261-0

Уже двести лет не прекращается дискуссия о том, что представляет собой «Слово о полку Игореве» — подлинное древнерусское произведение или искусную подделку под древность, созданную в XVIII веке. С обеих сторон в эту дискуссию вложено много страсти, в нее часто привносятся и различные ненаучные элементы, так что во многих случаях нелегко отделить в ней научную аргументацию от эмоциональной.

Гибель единственного списка этого произведения лишает исследователей возможности произвести анализ почерка, бумаги, чернил и прочих материальных характеристик первоисточника. Наиболее прочным основанием для решения проблемы подлинности или поддельности «Слова о полку Игореве» оказывается в таких условиях язык этого памятника.

Настоящая книга посвящена изучению именно лингвистической стороны данной проблемы.

Третье издание книги расширено по сравнению с первым и вторым.

Книга предназначена как для специалистов-филологов, так и для широкого круга читателей, интересующихся «Словом о полку Игореве» и его происхождением.

ББК 63.4

В оформлении переплета использована Киевская Псалтирь 1397 года

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0261-0

© А. А. Зализняк, 2008

© Рукописные памятники Древней Руси, 2008

Предисловие

Уже после выхода в свет первого издания настоящей книги (2004 г.) произошло заметное событие в перипетиях дискуссии о «Слове о полку Игореве» (сокращенно: СПИ) — опубликован окончательный текст большой работы А. А. Зимина на эту тему (Зимин 2006). Кроме того, появился ряд рецензий на первое издание нашей книги. Наряду с положительными в их числе имеется также одна отрицательная (Вилкул 2005), где выводам нашей книги противопоставлена версия, согласно которой СПИ могло быть создано без специальных лингвистических знаний, путем одного лишь подражания реальным древним памятникам.

В связи с этим при втором издании книги (в 2007 г.) оказалось целесообразно несколько расширить ее первоначальный состав, включив в нее, во-первых, разбор новой книги Зимина, во-вторых, разбор версии о создании СПИ путем подражания реальным древним памятникам. Кроме того, в основной текст были внесены небольшие дополнения или редакционные изменения; в частности, учтены те берестяные грамоты из раскопок 2004–2006 годов, которые содержат дополнительный материал по разбираемым в книге проблемам.

В дальнейшем при подготовке третьего издания книги в текст был включен пересказ печатной дискуссии между мною и М. Мозером (т. е. статей Мозер 2005 и Зализняк 2007), существенно расширен раздел о раннедревнерусских чертах СПИ и внесены некоторые другие дополнения.

В настоящем издании книга состоит из пяти отдельных статей, посвященных одной общей теме — лингвистической стороне проблемы подлинности или под-

дельности «Слова о полку Игореве». Из этих пяти статей последняя представляет собой добавление к тексту первого издания.

Первая статья (основная) — «Лингвистические аргументы за и против подлинности "Слова о полку Игореве"» (сокращенно при внутренних отсылках: «Аргументы...»). В ней рассматриваются выдвигавшиеся в разное время аргументы этих двух категорий и оценивается их относительный «вес». Одна за другой разбираются особенности языка СПИ, способные в той или иной степени пролить свет на решение проблемы подлинности или поддельности этого произведения.

Эта статья представляет собой главную составную часть книги, ее ядро. Читатель при желании может ограничиться чтением одной лишь этой статьи — в ней содержатся (пусть иногда в краткой форме) все основные положения данной книги. В этой статье рассматривается проблема в целом и автор приходит к определенному выводу о том, как она решается. Все остальные статьи представляют собой лишь более подробное (в основном полемическое) обсуждение отдельных вопросов, которые уже кратко рассматривались в основной статье.

В статье «К чтению нескольких мест из "Слова о полку Игореве"» (при внутренних отсылках: «К чтению...») обсуждаются некоторые трудные места текста СПИ. Предлагаемые чтения этих мест имеют определенное значение в общем балансе аргументов за и против подлинности СПИ. Но мы предпочли вынести их в отдельное рассмотрение, поскольку аргументы, основанные на предполагаемых, а не на бесспорных чтениях, занимают в иерархии аргументов лишь второстепенное место.

Статья «О нескольких лингвистических работах противников подлинности "Слова о полку Игореве"» (при внутренних отсылках: «О противниках...») посвящена

разбору ряда статей, появившихся в 1970-е – 1990-е гг. Это своего рода приложение к соответствующему разделу основной статьи, куда вынесены подробности, которые в рамках основной статьи были бы излишними.

Статья «Новейший кандидат на авторство "Слова о полку Игореве" — Йосеф Добровский» (при внутренних отсылках: «О Добровском...») посвящена разбору недавно вышедшей книги Э. Кинана, развивающей гипотезу о том, что СПИ создано Й. Добровским.

Статья «Можно ли создать "Слово о полку Игореве" путем имитации» (при внутренних отсылках: «Об имитации...») посвящена дополнительному анализу гипотезы о создании СПИ методом простой имитации реальных древних рукописей.

Параграфы, включенные в текст лишь во втором или в третьем издании, помечены добавочными буквами. В первой статье это § 13а, 14а, 14б, 14в, 35а, во второй — § 1а.

Для удобства читателя в конце книги в качестве приложения дан также сам текст СПИ.

Цитаты из СПИ приводятся по первому изданию 1800 г. (если необходимо, то с конъектурами, которые в этом случае отмечаются угловыми скобками), но без обязательного соблюдения принятых в этом издании словоделения, заглавных букв и пунктуации (подробнее см. «Аргументы...», § 6).

Для указания места цитаты внутри памятника используется нумерация «звеньев» текста, принятая в критическом издании Р. Якобсона (1948: 133–150). После цитаты ставится просто номер звена, например: *Съд-лай, брате, свои бръзьи комони* 21. По номеру звена читатель легко найдет это место в приложении.

Особо подчеркнем: эта книга — не описание языка СПИ как таковое. Ее единственная задача состоит в том, чтобы изучить проблему подлинности или под-

дельности СПИ. Анализ языка СПИ нужен нам лишь в рамках, определяемых этой основной задачей.

Участников дискуссии о происхождении СПИ (да и просто всех имеющих свое мнение об этом вопросе) обычно называют соответственно сторонниками подлинности СПИ и сторонниками его поддельности. Но в слове «сторонник» заложена отчетливая коннотация субъективности и пристрастности, равно как презумпция неизвестности того, на чьей же стороне истина. И, к сожалению, большинство участников дискуссии вполне оправдывают эту коннотацию, будучи готовы защищать свою версию «до последней капли крови», совершенно независимо от того, что им говорят оппоненты.

Рискуя вызвать усмешку у недоверчивого читателя, я все же позволю себе сказать, что, начиная работу над данной проблемой, я не имел ни готового мнения о том, на какой стороне истина, ни желания, чтобы она оказалась именно на такой-то стороне. Прodelав всю эту работу, я пришел к определенному решению — пусть не стопроцентному, но все же во много раз более вероятному, чем противоположное решение. Но даже и после этого я не хотел бы принять на себя наименование «сторонника» в том смысле, о котором сказано выше.

Автор не может не знать итогов своей работы, и ему нелегко строить изложение в точности таким же образом, как если бы он сам узнал об этих итогах лишь в конце книги. Неслучайно участники данной дискуссии почти всегда начинают с объявления своей позиции по основному вопросу (о подлинности или поддельности СПИ), после чего разбор любого частного вопроса уже строится по схеме «почему и в данном пункте объявленная с самого начала позиция верна».

Несмотря на трудность этой задачи, в основной статье настоящей книги я стремился к тому, чтобы рас-

сма­тривать про­тивосто­яние двух основ­ных вер­сий про­ис­хожде­ния СПИ как про­тиво­бор­ство с неиз­вест­ным ис­хо­дом. В част­но­сти, пе­ре­хо­дя к раз­бо­ру оче­ред­ной язы­ко­вой чер­ты СПИ, я вновь взве­шиваю обе основ­ные вер­сии, не опи­раясь на то, что при раз­бо­ре пре­ды­ду­щей чер­ты (или черт) одна из вер­сий была при­зна­на на­мно­го более ве­ро­ят­ной, чем дру­гая.

Ска­зан­ное от­но­сится к основ­ной ста­тье («Аргументы...»). Но по­сле то­го, как в за­клю­чении этой ста­тьи ко­неч­ный вы­вод сде­лан, даль­ней­шие ста­тьи уже на­пи­саны с уче­том это­го вы­во­да.

При­ношу бла­го­дар­ность Е. А. Гри­ши­ной, Е. В. Па­ду­чевой, С. М. Тол­стой, Б. А. Успен­ско­му и В. А. Успен­ско­му за сде­лан­ные ими за­ме­ча­ния; В. Л. Яни­ну за воз­мож­ность восполь­зо­ваться его эк­зем­п­ля­ром кни­ги Зи­мин 1963 (по­лу­чен­ным от ав­то­ра); В. М. Жи­во­ву за за­ме­ча­ния и за воз­мож­ность озна­ко­миться с его ра­ботой (в тот мо­мент еще не опу­бли­ко­ван­ной), со­дер­жа­щей крити­ку ги­по­те­зы Э. Ки­на­на о Й. Доб­ров­ском как ав­то­ре СПИ; В. Б. Крысь­ко за за­ме­ча­ния и за то, что он об­ра­тил мое вни­ма­ние на не­об­хо­ди­мость бли­же озна­ко­миться с ра­ботами К. Троста, М. Хенд­лера и Р. Айт­цет­мюл­лера о про­ис­хожде­нии СПИ (в не­ко­то­рых слу­чаях ниже ис­поль­зо­ваны так­же его крити­че­ские за­ме­ча­ния по по­во­ду этих ра­бот); Л. А. Бас­саль­го за за­ме­ча­ния и за идею оформ­ле­ния об­лож­ки; М. Н. Тол­стой за за­ме­ча­ния и за бес­цен­ную по­мощь при под­го­тов­ке кни­ги к пе­ча­ти.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ ПОДЛИННОСТИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

§ 1. Происхождение «Слова о полку Игореве» вот уже два столетия остается предметом дискуссии. Основной вопрос, интересующий как специалистов, так и широкую публику, состоит здесь в том, является ли оно подлинным древним сочинением или поздним сочинением, имитирующим древность.

Главная техническая проблема, которую необходимо решить для ответа на указанный основной вопрос (интересующая уже только специалистов), связана с тем, что имеются многочисленные текстуальные параллели (полные совпадения или близкие сходства), неслучайность которых находится вне сомнений, между СПИ, описывающим поход 1185 г., и Задонщиной, описывающей Куликовскую битву 1380 г. (и созданной в интервале между самой Куликовской битвой и 1470-ми годами, к которым относится ее самый ранний дошедший до нас список). Необходимо так или иначе объяснить эти параллели.

Конкурируют две основные версии: 1) о раннем создании СПИ — до Задонщины; 2) о позднем его создании — после Задонщины. В первой версии параллели между СПИ и Задонщиной, естественно, объясняются как заимствования из СПИ в текст Задонщины, во второй — наоборот. Соответственно, можно говорить о версии первичности СПИ и версии его вторичности.

Капитальный факт, не оспариваемый никем, состоит в том, что язык СПИ намного архаичнее языка За-

донщины. Следовательно, если СПИ создано позднее Задонщины, то автор писал не на языке своего времени, а имитировал древний язык. Таким образом, противопоставление версий первичности и вторичности можно представить также и в следующем виде: либо СПИ написано на языке своего времени, либо его язык есть имитация языка, на несколько веков более древнего.

Если будет доказана первичность СПИ, то тем самым решается и основная проблема: СПИ должно быть признано подлинным древним произведением. Поэтому версии первичности и вторичности СПИ мы можем называть также соответственно версиями подлинности и неподлинности.

Замечание. Версия подлинности СПИ, конечно, не означает предположения о том, что до момента печатной публикации (1800 г.) дошел ни в чем не искаженный и никем не подправлявшийся первоначальный текст СПИ. Напротив, это было бы настоящим чудом. Одного лишь примера Задонщины, все списки которой полны разнообразных ошибок, достаточно, чтобы понять, каким серьезным искажениям и переделкам мог подвергаться текст в рукописной традиции. Тем самым взгляд на СПИ как на древний текст, в который на протяжении последующих веков могли вноситься какие-то редакционные изменения или вставки, не является чем-то средним между двумя основными версиями — это частный случай версии подлинности.

Если верна версия вторичности (неподлинности) СПИ, то возникает дополнительная дилемма: создавалось ли СПИ как обычное литературное произведение или с замыслом ввести общество в заблуждение относительно его происхождения, т. е. как подделка. Тем самым версия вторичности подразделяется на: а) версию о простой имитации (не предполагающей какого-либо обмана); б) версию о поддельности.

Здесь следует учитывать, что заимствования из одного сочинения в другое в разные эпохи воспринимались по-разному. Автор XIV–XV веков, включавший пассажи из более древнего сочинения в свой текст, не нарушал никаких представлений своего времени о нормах литературного творчества. Но автор, например, XVIII века, пожелавший воспеть в древнем стиле поход XII века и заимствующий при этом целые пассажи из сочинения XV века, мог восприниматься только как стилизатор, а если он не открывал своего авторства и выдавал свое сочинение за древнее, то уже как мистификатор (= фальсификатор).

Предполагаемого в рамках версии вторичности создателя СПИ (имитировавшего древний язык) мы будем называть Анонимом. Ниже этот гипотетический персонаж будет у нас постоянным действующим лицом; просим не забывать, что даже там, где о нем говорится в изъяснительном наклонении, мы всё же не знаем, существовал ли он на самом деле.

Разумеется, для восстановления полной картины создания СПИ представляет интерес не только вопрос «до или после Задонщины», но также и более точное определение времени, например, XII или XIV век в версии первичности, XVI или XVIII век в версии вторичности.

Но в настоящей работе мы этими проблемами заниматься не будем. В частности, в рамках версии первичности СПИ мы не касаемся вопроса о том, к какому именно времени внутри хронологического интервала между походом 1185 г. и созданием Задонщины его предпочтительно относить. (Отметим лишь, что большинство сторонников данной версии относят создание СПИ ко времени вскоре после 1185 г.)

В рамках версии вторичности СПИ мы тоже не будем специально заниматься уточнением века. Но вопроса о простой имитации или подделке коснемся.

Несколько забегаая вперед, укажем, что версия «невинной имитации» обладает в данном случае гораздо меньшим правдоподобием, чем версия поддельности. Дело в том, что, как мы вскоре увидим, объем знаний, необходимых для достижения того уровня сходства с древними текстами, которым обладает СПИ, очень велик. Поэтому крайне маловероятно, чтобы кто-либо взял на себя тот огромный труд, который необходим для овладения всем этим объемом знаний, всего лишь ради удачной стилизации.

В самом деле, стилизатору вполне достаточно, чтобы его произведение производило желаемое впечатление на публику (а для этого, к тому же, обычно бывает нужно не столько реальное сходство с подлинной древностью, сколько соответствие представлениям публики). Только мистификатор будет добиваться того, чтобы его не смогли разоблачить даже специалисты.

Соответственно, в рамках версии вторичности СПИ имеет смысл рассматривать в первую очередь именно вариант с подделкой. Если бы оказалось, что даже и этот вариант не проходит, то про вариант с «невинной имитацией» уже незачем было бы и говорить.

Почти все сторонники позднего происхождения СПИ относят предполагаемого автора СПИ к XVIII веку (и даже уже — к концу века). Это легко объясняется культурно-историческими соображениями — состоянием русского общества, первой публикацией летописей, пробуждением интереса к древности. Для более раннего времени (XV–XVII вв.) фигура фальсификатора и в самом деле выглядит очень неправдоподобно.

Ради общности мы формально допускаем фигуру фальсификатора для любого времени между созданием Задонщины и концом XVIII в. Но реально везде, где почему-либо необходима конкретизация, мы рассма-

триваем вариант с сочинителем XVIII века. Наши заключения относительно предполагаемого фальсификатора XVIII в. (подытоженные в § 38) таковы, что они тем более действительны для фальсификатора более ранних веков.

Таким образом, настоящая работа посвящена в первую очередь сравнению аргументации в пользу первичности (подлинности) СПИ и в пользу его поддельности (в последнем случае с преимущественным вниманием к версии о фальсификаторе XVIII века). И ниже мы в большинстве случаев ограничиваемся тем, что вместо строгого противопоставления «первичное — вторичное» рассматриваем не исчерпывающее всех логических возможностей, но для всех практических целей достаточное противопоставление «подлинное — поддельное».

Нас будет интересовать вопрос о том, что дают особенности языка СПИ для установления его подлинности или неподлинности. При этом следует подчеркнуть, что очень многое здесь уже сделано нашими предшественниками, так что значительная часть нашей работы в сущности сводится к систематизации известного¹.

Прочих аспектов проблемы подлинности СПИ мы почти не затрагиваем и во всяком случае не позволяем себе строить на их основе какие-либо далеко идущие заключения. В частности, в настоящей статье мы не касаемся вопроса о возможности отождествления Анони-

¹ Настоящая статья уже была написана, когда вышла большая статья О. Б. Страховой (2003), где обсуждается в сущности та же основная проблема. В ряде пунктов ход рассуждения в обеих работах оказался практически одинаков. Но в данном случае это настолько естественно вытекает из сути дела, что мы сочли ненужным специально устранять такие параллелизмы.

ма с каким-либо конкретным лицом, а из его знаний и умений рассматриваем только те, которые имеют отношение к языку СПИ.

Ограничиваясь одной лишь лингвистической проблематикой, мы, разумеется, ни в коей мере не отрицаем значения литературоведческого, исторического и культурологического аспектов данной проблемы. Но мы, во-первых, предпочитаем в данном случае не выходить за рамки своей прямой специальности, во-вторых, полагаем, что лингвистические данные, с их относительно высокой объективностью и определенностью, могут способствовать решению проблемы более эффективно, чем области, где намного шире простор для вольной игры мнений.

Исходя из того, что обсуждаемая проблема представляет интерес для достаточно широкого круга читателей, мы считаем полезным сопровождать свое изложение пояснениями, многие из которых для специалиста излишни. Лишь небольшое число лингвистических сюжетов разбирается с подробностью, требующей некоторой филологической подготовки. В тех немногих случаях, когда обсуждение выходит за рамки лингвистики, мы обычно ограничиваемся популярным изложением известного.

§ 2. Особенности дискуссии о подлинности или неподлинности «Слова о полку Игореве» связаны прежде всего с некоторой неясностью и таинственностью обстоятельств, при которых оно стало известно общественности.

СПИ было издано в 1800 г. А. И. Мусиным-Пушкиным. По сообщению последнего, оно входило в состав приобретенного им рукописного сборника. Но способ приобретения остается не совсем ясным; А. И. Мусин-Пушкин говорил об этом скупно и уклончиво. Через 12

лет после издания СПИ сборник, как обычно считают, погиб в великом московском пожаре (правда, сохранившиеся сообщения об этом носят несколько неопределенный и не вполне надежный характер).

На всех этапах изучения СПИ безусловно преобладал взгляд на него как на подлинное древнее сочинение. Поэтому перечислять сторонников этой точки зрения нет необходимости. Здесь нужно, однако, учитывать то особое обстоятельство, что в СССР в этом вопросе свободная конкуренция версий была невозможна: версия подлинности СПИ была фактически включена в число официальных научных постулатов, сомнение в которых было равнозначно политической нелояльности.

С другой стороны, с самого момента публикации СПИ и в особенности после того, как появилось сообщение о гибели рукописи, высказывались и сомнения в его подлинности. И необходимо признать, что таинственность, которой было обставлено появление этого памятника, и театральность его гибели сильно располагали и поныне продолжают располагать к априорному недоверию.

Историю скептических выступлений можно схематически представить так.

Первая волна скептиков (так называемые скептики пушкинской эпохи) появилась вскоре после публикации памятника. Это еще не научные исследования, а главным образом выражения непосредственной субъективной оценки, с обсуждением преимущественно стиля, иногда отдельных слов (см. подробное изложение в Зимин 1963, глава 8, и 2006, глава VIII; критический обзор — Яковсон 1948: 192–195).

Второй этап скептического отношения к подлинности СПИ относится к гораздо более позднему времени. Предвестники этого этапа — Л. Леже (работы 1890-х гг.) и М. И. Успенский (работы 1920-х гг.); но главным его

представителем является Андре Мазон (работы 1938–1944 гг.). Основная идея Мазона: СПИ — подделка конца XVIII века (в качестве возможных авторов подозреваются А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский; позднее Мазон считал возможной также кандидатуру Иоилия Быковского, о котором см. ниже). Гипотеза Мазона подвергнута критике во многих работах; важнейшая из них — Якобсон 1948, где положения Мазона разобраны последовательно и полно и по оценке десятков филологов разных стран (см. обзор в Якобсон 1952: 388–389) в научном смысле уничтожены.

Следующий этап составляют работы А. А. Зимина (1960-е гг., с продолжением до 1980 г. и итоговой посмертной публикацией 2006 г.). Основная идея: СПИ — сочинение архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоилия Быковского (1726–1798), задуманное не как фальсификат, а как стилизованное сочинение на историческую тему, которое впоследствии А. И. Мусин-Пушкин решил выдать за древнее.

Поскольку в советскую эпоху версия подлинности СПИ была превращена в идеологическую догму, концепция А. А. Зимина по приказу сверху замалчивалась: его книгу 1963 года напечатали ротاپринтом в 100 экземплярах для временной выдачи участникам разгромного обсуждения с обязанностью сдать все экземпляры после обсуждения обратно в спецхран. Не было и сколько-нибудь подробных критических публикаций с конкретным разбором его положений; опубликован лишь отчет об указанном обсуждении. Наиболее полный зарубежный критический разбор гипотезы А. А. Зимина — Якобсон 1966.

Еще более поздний этап (1970-е – 1990-е гг.) составляют работы К. Троста, М. Хендлера, Р. Айтцетмюллера и некоторых других. К. Тростом выдвинута версия о том, что СПИ принадлежит перу Н. М. Карамзина. Эта

группа работ рассмотрена в настоящей книге в статье «О противниках...».

Наконец, в самые последние годы появилась версия Эдварда Кинана, согласно которой СПИ — это подделка, осуществленная знаменитым чешским лингвистом, основателем сравнительной грамматики славянских языков Йосефом Добровским (1753–1829). Эта версия рассмотрена в настоящей книге в статье «О Добровском...».

В ходе этой контroversы выяснилось, что в вопросе о подлинности СПИ имеется заметное различие между лингвистами, с одной стороны, и литературоведами и историками, с другой. А. В. Исаченко (1941: 34–35) писал: «Именно со стороны языковедов никогда не высказывалось ни малейших сомнений в подлинности, т. е. в древности этого памятника. Серьезные сомнения высказывались исключительно филологами, заинтересованными главным образом литературно-исторической стороной вопроса, начиная со скептиков пушкинских времен и кончая современными французскими "иконокластами", по выражению А. Мазона». В 1941 г. А. В. Исаченко мог знать только о первых двух «волнах» скептиков; примечательно, однако, что его наблюдение в значительной мере сохранило силу и в дальнейшем: так, А. А. Зимин и Э. Кинан — историки, а не лингвисты; лингвистов же в лагере скептиков и поныне совсем мало.

Почему дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве» тянется так долго

§ 3. Почему же все-таки дискуссия о подлинности или поддельности СПИ приобрела характер вечной проблемы, превратившись в глазах многих в образец безнадежного словопрения, которое уже никогда не кончится чьей-либо научной победой?

Мы полагаем, что этому способствовали следующие основные факторы.

1. Нелингвисты совершенно не осознают мощности языка как механизма, а именно, количества и степени сложности правил, которые надо соблюсти, чтобы получить правильный текст. Легкость, с которой человек производит устные и письменные тексты на родном языке, лишает его возможности поверить в истинные масштабы той информации, которой он при этом бессознательно оперирует. Особенно доверчиво относятся к мысли о том, что некто засел за книги и научился говорить и писать на иностранном языке «как на родном», те, кто ни одним иностранным языком активно не владеет. Люди верят бойким журналистским рассказам о том, как способного русского паренька поучили в разведшколе немецкому языку, забросили в немецкий тыл и там он успешно выдавал себя за немца.

Поэтому рассказ о том, что кто-то написал безупречный длинный текст на чужом языке (или на своем, но тысячелетней давности), далекими от лингвистики людьми не воспринимается как рассказ о подвиге или чуде. Они скорее возьмутся обсуждать вопрос о том, зачем это могло автору понадобиться, чем то, как ему это удалось. Они вполне готовы допустить, например, что это было сделано между делом, в качестве озорной шутки.

Между тем как раз люди, профессионально связанные с иностранными языками, знают, какое это редчайшее чудо — человек, изучавший иностранный язык не с детства и не в условиях долголетней жизни в соответствующей стране и тем не менее достигший того, чтобы природные носители не распознавали в нем иностранца и чтобы в написанном им длинном тексте даже строгие критики не находили никаких огрехов, выдающих иностранца. Речь ведь идет не о простых вещах,

вроде того, чтобы помнить, как будет «хлеб» или «ходить» или как образуется прошедшее время от такого-то глагола, а о деталях несравненно более тонких и, главное, чрезвычайно многочисленных.

Древнерусский язык — тот же иностранный. И ситуация именно такова, что никто не знает его с детства и не может пожить в стране, где на нем говорят. Единственное облегчение для имитатора здесь в том, что и другие тоже знают этот язык несовершенно. В роли экзаменаторов здесь оказываются уже не природные носители, а профессионалы, глубоко изучившие совокупность имеющихся текстов. Но есть и лишняя трудность по сравнению с живым языком: могут найтись новые древнерусские тексты (как это реально случилось, скажем, с берестяными грамотами), и на их материале могут открыться дополнительные языковые закономерности, которые невозможно было выявить на прежнем ограниченном материале, — и тогда имитация, основанная на прежнем материале, на новом уровне знаний окажется неудовлетворительной.

Самый знаменитый пример подделки древних славянских рукописей принадлежит видному деятелю чешского национального возрождения Вацлаву Ганке (1791–1861). Ученик Й. Добровского и В. Копитара, Ганка обладал очень высокой для своего времени славистической квалификацией и был необыкновенно начитан в древних рукописях. Благодаря этому его подделки — так наз. Краледворская и Зеленогорская рукописи — были действительно столь успешны, что очень долго принимались за подлинные. Но все же, когда Я. Гебауэр подверг эти сочинения тщательному высокопрофессиональному лингвистическому контролю, факт подделки выявился с полной неумолимостью. Обнаружились отклонения от норм древнечешской орфографии; слова, взятые из русского языка с ошибками

в фонетическом «пересчете» с русского на древнечешский; синтаксические кальки с современного немецкого; чешские слова, употребленные в значении, которое развилось у них только в позднюю эпоху, и др. В общей сложности на 6000 слов, содержащихся в этих двух рукописях, Ганка допустил около 1000 отклонений от того, что реально наблюдается в подлинных древнечешских рукописях (подробнее см. Якобсон 1948: 220–223).

Этот пример дает достаточно ясное представление о том, как высоко лежит тот порог, которого должен достичь имитатор, пусть даже великолепно подготовленный, чтобы не на время, а навсегда обмануть своих будущих критиков-лингвистов.

Между тем многие участники дискуссии, в особенности литературоведы и историки, подозревая то или иное лицо в мистификации, с поразительной наивностью допускают, что уж с этой-то стороны дела их кандидат должен был справиться. Вот, например, как Зимин представляет себе основную задачу сочинителя СПИ: «Только человек, прошедший длительную школу риторики и пиитики, мог так легко использовать словарный материал древних литературных памятников для создания совершенно индивидуального и ни с чем несравнимого произведения поэтического искусства» (1963: 394; 2006: 332). Суметь использовать словарный материал — вот, оказывается, и вся проблема. И задавшись вопросом, «мог ли обладать писатель, живший, скажем, во второй половине XVIII века, филологическими познаниями, необходимыми для составления такого произведения» (1963: 292; почти так же в 2006: 257), Зимин в конечном счете использует в качестве ответа на этот вопрос следующую цитату из М. Н. Тихомирова: «Вообще нельзя представлять себе Москву XVIII века какой-то пустыней, где не было образованных людей» (1963: 338; 2006: 301).